

Саяна
ГОРСКАЯ

Иногда
всё, что тебе
нужно —
второй шанс
♡

Те же мы.
Только
взрослее
♡

- 33
- 32
- 32
- 31
- 30
- 29
- ↔

Близкие
отношения
начинаются
здесь
♡

Раздевайтесь.

ВЫ ПРИНЯТЬ!

18+

Саяна Горская

Раздевайтесь, вы приняты

«Автор»

2026

Горская С.

Раздевайтесь, вы приняты / С. Горская — «Автор», 2026

Белые обрывки бумаги опадают на стол.— Скука смертная, Красавина. Я такое подписывать не буду.— Тогда ищи себе другу фиктивную невесту. Я обозначила границы.— Против границ я ничего не имею, но ты пытаешься заранее запретить всё, что может тебе понравиться, — Иван встаёт. Неторопливо идёт ко мне и останавливается настолько близко, что приходится поднять голову, чтобы смотреть ему в лицо.— Знаешь, Красавина, меня с самого утра мучает один вопрос, — он касается пальцами моего подбородка. — Действительно ли кофе на твоих губах был таким вкусным, как я себе представил. Тринадцать лет назад Иван Царенко был самым знаменитым раздолбаем университета. Он любил меня, а я разбила ему сердце. Теперь он успешный, богатый и, по чудовищной иронии судьбы, мой новый начальник. Я же на мели, в разводе, и откровенно разочарована в мужчинах. Он предлагает сделку, вот только мы слишком хорошо изображаем влюблённых. А Царенко, кажется, вообще забыл, что наша помолвка фиктивная...

© Горская С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	34
Глава 10	40
Глава 11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Саяна Горская

Раздевайтесь, вы приняты

Глава 1

Марья.

Опаздываю.

Вот прямо сейчас, семена на каблуках по гладкой плитке перед бизнес-центром и судорожно поглядывая на часы, я опаздываю на собеседование, от которого зависит вся моя жизнь.

Телефон снова вибрирует в сумке. Не хочу его доставать. За последние двадцать минут он подавал признаки жизни уже четыре раза, и у меня есть стойкое подозрение, что это не внезапная популярность, а очередная попытка бывшего мужа выбить меня из равновесия.

Он решил ещё раз напомнить мне о своём существовании, чтобы, не дай бог, этот чудесный вторник не показался мне приятным.

Толкаю тяжёлую стеклянную дверь бизнес-центра, влетаю в прохладный холл и всё-таки достаю телефон.

Роман: *Ты получила моё предыдущее сообщение?*

Получила.

И предыдущее получила. И то, которое было перед предыдущим. И даже первое, где ты ещё притворялся человеком, способным складывать слова в предложение без скрытой угрозы.

Под ним висит другое:

Роман: *В пятницу в пятнадцать встреча. Надеюсь, к этому времени у тебя будет подтверждение официального трудоустройства и дохода. Вопрос касается Вари, поэтому твои отмазки меня больше не интересуют.*

Очень хочется ответить колкостью, или просто назвать его мудаком, но я сдерживаюсь.

На это он и рассчитывает.

Любой мой резкий ответ потом волшебным образом превращается в доказательство моей эмоциональной нестабильности, неумения договариваться и неспособности ставить интересы ребёнка выше собственных амбиций.

После десяти лет брака начинаешь понимать, какие удовольствия тебе не по карману.

Я уже проходила это. И единственное, чего я добьюсь грубостью — это обвинения в неспособности к конструктивному диалогу.

Роман вообще обожает конструктивные диалоги.

Особенно те, в которых он говорит, а я молча и конструктивно соглашаюсь.

Убираю телефон, быстро пересекаю холл и нажимаю кнопку вызова лифта. Собеседование назначено ровно на десять, а на часах уже девять пятьдесят пять.

Эта работа мне чертовски нужна.

Ещё каких-то пару месяцев назад я бы выбирала. Смотрела на уровень зарплаты, обязанности, перспективы карьерного роста. Возможно, торговалась бы. У меня хорошее образование, приличный опыт и достаточно мозгов, чтобы не хвататься за первое попавшееся предложение.

Но сейчас я хватаюсь.

Потому что аренда квартиры сама себя не оплатит. Потому что Варе нужно есть, одеваться и ходить на танцы. Потому что мои накопления тают, как мороженое в солнцепёк. А главное, потому что Роман очень терпеливо ждёт момента, когда я облажаюсь.

Не дождётся.

Лифт с коротким звоном открывается.

Захожу внутрь, жму кнопку тридцать шестого этажа и уже собираюсь выдохнуть, когда двери начинают сходиться и снаружи раздаётся громкое:

— Придержите!

Между створок возникает мужская рука.

Двери послушно разъезжаются.

Сначала в лифт протискиваются три коробки пиццы, потом появляется их владелец. Высокий, широкоплечий, в тёмной футболке и джинсах. Коробки сложены одна на другую, верхняя опасно съезжает в сторону, и мужчина удерживает всю конструкцию подбородком, одновременно пытаясь ткнуть локтем в кнопку закрытия дверей.

Делаю это за него.

— Спасибо. Ещё секунда, и пришлось бы подниматься пешком. Я бы, разумеется, дошёл. Чего не скажешь о пицце.

Он поворачивается, одаривая меня белоснежной обаятельной улыбкой. А я дар речи теряю, потому что мгновенно узнаю этого человека!

Быть не может!

— Царенко? — Хлопаю шокировано ресницами.

Он, с подозрением склонив голову к плечу, рассматривает меня, пытаясь сообразить, знакомы ли мы. Хмурится, но уже через пару секунд его брови ползут наверх.

— Ахренеть! Красавина, ты ли это? — Расплывается в ещё более широкой улыбке.

Тринадцать лет прошло, а улыбка Вани Царенко осталась прежней. Наглой, ленивой, совершенно бесстыжей.

Однако, изменилось всё остальное.

В университете он был сухим, жилистым. Вечно растрёпанный мальчишка, обычно слегка сонный. Сейчас же его фигура выглядит куда внушительней. Тёмная футболка натягивается на плечах, по предплечьям разбегаются выпуклые вены, угол челюсти стал жёстче и брутальней, а коротко подстриженные волосы неожиданно идут ему куда больше прежней гривы.

К некоторым мужчинам время относится подозрительно благосклонно.

— Обалдеть, — тянет Иван и касается моего плеча. — Ты настоящая!

— Представь себе.

— А я уже думал, показалось.

— От большого количества пиццы бывают галлюцинации?

— Обычно лишь изжога, но кто его знает, — подмигивает.

Фыркаю и тут же отворачиваюсь к дверям.

Не смешно, судьба. Вообще не смешно.

Я из последних сил держу себя в руках. У меня важное собеседование, бывший муж собирает доказательства моей финансовой несостоятельности, а ты зачем-то подсовываешь мне человека, которого я меньше всего ожидала когда-либо вновь встретить.

Хотя, должна признаться, Царенко всегда обладал удивительной способностью появляться не вовремя.

— Это ж сколько лет прошло? Десять? Одиннадцать? — Рассуждает он будто сам с собой.

— Тринадцать.

— Врёшь. Не может быть тринадцать. Мне тогда сколько?

— Тридцать пять, — выразительно выгибаю бровь.

— Жуть какая.

— А ты, я смотрю, считать так и не научился?

Иван прижимает коробки к груди.

— Удар ниже пояса, Красавина. Имей совесть. У каждого человека есть страницы биографии, которые он хотел бы сжечь.

Да, и у меня тоже полно таких страниц. Некоторые из них касаются как раз Ивана Царенко.

Но эту мысль я отодвигаю подальше раньше, чем она успевает нормально оформиться в мозгу.

Было и было.

Сто лет назад.

Сейчас передо мной тридцатипятилетний мужик с тремя коробками пиццы, который, судя по всему, так и не нашёл, куда приложить свои выдающиеся таланты.

— А ты... эм... работаешь?

Иван опускает взгляд на коробки.

— Приходится.

Киваю на пиццу.

— Доставляешь?

— Обычно неприятности, но еду тоже иногда.

Ну вот.

Картина мира снова становится привычной и устойчивой.

Как был Царенко раздолбаем, так раздолбаем и остался. А всё потому, что учёбу ни во что не ставил.

Он мог неделю не появляться в университете, а потом прийти на зачёт, сесть рядом со мной и шёпотом поинтересоваться, какой мы сегодня предмет сдаём. На лекциях дрых без задних ног, домашки списывал, а экзамены сдавал исключительно корча морды кота из «Шрека».

Мы тогда все были уверены, что диплом Иван получит благодаря везению, природному обаянию или чьей-нибудь жалости.

Судя по пицце, далеко от исходной концепции он не ушёл.

И почему-то это даже успокаивает. Царенко остался Царенко. Значит, хотя бы одна вещь в этом мире не изменилась до неузнаваемости.

— Ну, Красавина, а ты здесь что делаешь?

— Собеседование, — буркаю коротко.

— О. Серьёзно?

— Нет. Я надела костюм и туфли, чтобы подняться на тридцать шестой этаж и полюбоваться видом.

— Ну мало ли. Кризис среднего возраста у всех проходит по-разному.

— Ты неисправим, — качаю головой.

— Зато стабилен.

Лифт останавливается.

Створки разъезжаются в стороны, и я первой выхожу в светлый коридор.

Я всё-таки добралась.

С опозданием в две минуты, но добралась.

Ускоряю шаг и только через несколько метров понимаю, что Царенко идёт следом.

— А ты куда?

— Туда, — Иван кивает на стеклянные двери нужного мне офиса.

— Пицца?

— Она самая.

Толкаю дверь. За стойкой сидит молодая девушка, которая расплывается в улыбке едва заведя нас. Однако улыбка эта предназначена вовсе не мне.

— Доброе утро, Иван Андреевич.

— Доброе, Леночка. Фёдор у себя?

— Да. Ждёт вас.

— Меня тоже, — вклиниваюсь в диалог. — Марья Красавина. Собеседование на десять.

Девушка переводит взгляд на экран, стучит наманикюренными пальчиками по клавиатуре.

— А... Эм... Боюсь, у нас...

— Да ладно, пусть зайдёт, — подмигивает ей Ваня и склоняется ближе к стойке. — Жалко тебе что ли?

— Ладно... — растерянно улыбается эта Леночка.

Иван уходит дальше по коридору. Догоняю его возле последнего кабинета.

— Ты что, лично гендиру пиццу доставляешь?

— Особый клиент.

— Хорошие чаевые?

— Не жалуюсь, — не постучав, Иван толкает дверь плечом. Горланит во всю глотку: — Жратва приехала!

— Наконец-то, — отзывается мужчина из-за большого стола, стоящего перед панорамным окном. — Я уж думал, ты её по дороге сожрал.

— Я похож на человека, который способен на такое предательство?

— Абсолютно.

Фёдор Сергеевич встаёт из-за стола, выходит Ивану навстречу и вместо того, чтобы достать кошелёк, обнимает его, хлопая по спине.

Иван отвечает тем же.

Ну очень постоянный клиент...

Я же мнусь у двери, нерешительно переступая с ноги на ногу.

— С грибами твоя, — сообщает Царенко, ставя коробки на небольшой стол у окна. — Мясная моя. Третью, заклинаю тебя, отдай Леночке. Она уже прозрачная.

Фёдор Сергеевич хохочет над шуткой Царенко, и наконец замечает меня. Указывает в мою сторону кивком подбородка.

— Твоя, Вань?

Опешив, открываю рот.

— Я Красавина! На собеседование. Вы сами назначили, помните?

И пока я семеню к гендиру с папкой в руках, Иван совершенно спокойно устраивается на диване возле окна. Открывает коробку, достаёт кусок пиццы и, заложив одну ногу на другую, внимательно наблюдает за развитием событий.

Плевать.

Пусть Царенко сидит и жуёт свою пиццу. Пусть хоть жонглирует коробками у меня за спиной.

Мне нужна эта работа.

— Марья Павловна, — начинает Фёдор Сергеевич, и по одному только тону всё понятно. — Мне очень неловко, что так вышло, но вчера вечером кандидат, которому мы делали предложение ранее, всё-таки дал согласие. Мы уже не рассчитывали, если честно, поэтому...

— То есть вакансии закрыта? — Гаснет внутри меня надежда, а голос сипнет.

— К сожалению, да. Наш эйчар должен был связаться с вами ещё утром. Я обязательно разберусь, почему этого не произошло.

Да какая мне теперь разница — почему?

Медленно киваю и сглатываю вязкую слюну. Смотрю на носки своих туфель.

— Понятно.

— Мне действительно очень жаль. У вас отличное резюме, и при других обстоятельствах...

— Всё в порядке.

Ничего не в порядке.

У меня нет другого собеседования сегодня.

Нет завтра.

И через три дня Роман снова спросит, нашла ли я работу.

А ещё нужно продлить Варин абонемент на танцы. Оплатить квартиру. Купить продукты. Заплатить за школьные обеды.

Зря только торопилась. Зря полночи готовилась. Зря рассказывала Варечке, что скоро всё у нас наладится.

— Фёдь, так она, получается, тебе не нужна? — Разрезает скорбную тишину голос Ивана.

— Кто? Красавина? — Хмурится Фёдор Сергеевич.

— Угу, — Царенко вытирает губы салфеткой, комкает её в шарик и метким трёхочковым отправляет в корзину с мусором. — Если не нужна, давай я её себе заберу?

Глава 2

Марья.

Наверное, у меня сейчас какое-то особенно глупое выражение лица. Да и Фёдор Сергеевич смотрит на Ивана с нескрываемым недоумением.

— В смысле заберёшь?

Вот. Спасибо.

Меня тоже интересует этот вопрос, в ответ на который Царенко лишь пожимает плечами.

— В прямом.

— Зачем она тебе?

Медленно перевожу взгляд с лица одного мужчины на другого.

Нет, всё в порядке. Можете и дальше вести диалог так, словно меня здесь нет.

Чувствую себя предметом мебели. Будто Фёдор собирается выбросить старое кресло, а Иван решил, что оно ещё пригодится на даче.

— Помощница мне нужна, — сообщает Царенко, смахивая с плеча невидимую пылинку.

— А как же твоя Оленька?

— Ой, — морщится Ваня. — Она уже всё.

— Умерла?

— Хуже. В декрет уходит. Уже такая круглая, что едва в дверной проём проходит. Я серьёзно опасаюсь за дверные петли.

Цокаю и закатываю глаза.

Только Царенко может в таком тоне разговаривать о женщине в положении.

— А что? Я ей об этом в лицо говорю, — оправдывается Ваня. — Но она не обижается. Ей некогда. Она жрёт. Каждый день съедает все мои эклеры из бара. Не напасёшься! Так что мне нужна свежая кровь. Ну, Красавина? Что скажешь?

— Я финансист, а не секретарша.

— Отлично. Вот и посчитаешь, сколько эклеров мне торчит Оленька.

Тупица...

Настоящий раздолбай.

С силой вытолкнув воздух через рот, разворачиваюсь на пятках. Ладно, я достаточно насмотрелась этой клоунады. Смысла в дальнейшем моём нахождении здесь просто нет.

Делаю пару решительных шагов к двери.

— Эй, Красавина, а ты чего на лыжи встала? — Летит в спину вопрос Царенко, заданный с явной ленцией и присущим ему пофигизмом.

— Я домой. — Оборачиваюсь, сжав губы в строгую линию. — Жаль, что не вышло, Фёдор Сергеевич. Если вакансия освободится, дайте знать.

— А как же я? — Разводит руки в стороны Ваня и хватается за очередной кусок пиццы.

— А что — ты?

— То есть моё предложение о работе ты не рассматриваешь?

Стискиваю пальцы на ремешке сумки.

Работать у Царенко?

О, увольте!

Это он сейчас улыбается, шутит и делает вид, что никаких древних костей в нашем общем шкафу не лежит. Но я-то знаю, что он всё помнит. И наверняка решит отыгаться за прошлое, если я соглашусь работать на него.

Нет.

Категорически нет.

Царенко в роли начальника даже представить страшно!

Он же мне жизни не даст. Он и в университете кошмарил меня, хотя у него не было никаких полномочий.

Теперь будут.

Нет уж, спасибо.

Я, конечно, в отчаянном положении, но не настолько.

Наверное...

Но несмотря на все свои убеждения, несмотря на уверенность в том, что от начала и до конца это плохая, отвратительная, дурацкая идея, я стою на месте и не решаюсь уйти.

Потому что вовсе не его мелочной мести я боюсь. Я боюсь посмотреть дочери в глаза и признать, что у меня ничего не получилось. Что я, как и предрекал бывший муж, ни на что не способна без его покровительства, и лишь зря лишила ребёнка полной семьи, пусть она и вовсе не была счастливой.

— И что у тебя за компания? — Пытаюсь придать голосу бесстрастности, чтобы Царенко не понял, насколько сильно нужна мне работа сейчас.

— Строительство и внутренняя отделка.

Почему-то представляю себе кабинет в подвале, криво прибитую табличку с названием фирмы, два шатающихся стула. В углу кулер без стаканчиков, на подоконнике дохлый кактус, а сам генеральный директор Царенко И. А. развозит клиентам пиццу между подписанием «крупных сделок».

И вот туда я сейчас устроюсь со своим высшим финансовым образованием?

Личной помощницей к Ивану?

— Трудоустройство официальное?

— Разумеется.

— Зарплата белая?

— Белая, зелёная, красная. Бывает даже синяя, когда у меня хорошее настроение. Ну, так что? Согласна? — Выжидательно таращится мне в глаза.

Нет.

Это плохая идея.

Царенко станет моим начальником, и я буду зависеть от человека, перед которым когда-то сама захлопнула дверь.

От человека, который имеет все основания если не ненавидеть меня, то хотя бы помнить и мечтать о мести.

Может, он и работу мне предлагает лишь для того, чтобы посмотреть, как низко готова пасть бывшая институтская звёздочка Марья Красавина?

Та самая, что была гордостью университета и любимицей всех преподавателей и деканата, а теперь вынужденная подавать кофе двоечнику и заядлому прогульщику.

Щёки горят предательски.

Хочется уйти, но перед мысленным взором встают Варькины кроссовки, на которых начала отклеиваться подошва.

Я могу позволить себе задрать нос и уйти прочь, но почему Варя должна расплачиваться вместе со мной за мою гордость?

— Давай, Красавина, шевели мозгами. Согласна? Второй раз не предложу.

— Согласна, — с трудом выдавливаю из себя слова, будто признаюсь в каком-то особенно постыдном проступке.

— Отлично, — хлопает в ладоши Иван и закрывает коробку с пиццей. — Тогда погнали?

— Куда?

— В мой офис. Приступаешь к работе с сегодняшнего дня, — опасным блеском загораются его глаза, а голос становится пугающе низким.

Он выходит из кабинета первым, а я нерешительно шагаю за ним, отчего-то полная уверенности, что неоднократно пожалею о своём решении...

Глава 3

Марья.

Кажется, с подвалом я всё-таки немного промахнулась.

Потому что стою посреди огромного опен-спейса на сорок пятом этаже того же дорогого бизнес-центра и с каждой секундой всё меньше понимаю, каким образом Иван Царенко, который в моей памяти едва не остался без диплома из-за хронических прогулов, оказался хозяином всего этого великолепия.

За стеклянными перегородками тянутся ряды рабочих столов, дальше виднеются переговорные, большие экраны с чертежами и трёхмерными моделями каких-то помещений. Возле стены выставлены образцы дерева, камня, тканей и ещё бог знает чего.

Людей столько, что я даже приблизительно не могу прикинуть количество, и это только один этаж, а на табличке у лифта совершенно недвусмысленно указано, что компания Царенко занимает ещё и следующий.

Дохлого кактуса, кстати, тоже нет.

Зато есть живые деревья в огромных кашпо, кофе-пойнт размером с мою нынешнюю съёмную квартиру и панорамные окна, за которыми гудит весенний город.

— Чего застыла, Красавина? — Иван останавливается и смотрит на меня с плохо скрываемым удовольствием. Похоже, моя физиономия выдаёт несколько больше, чем хотелось бы.

— Осматриваюсь. Пытаюсь понять, куда делись два шатающихся стула.

Он озадаченно молчит. Улыбка становится шире.

— Если это условия, на которых ты согласна заступить на должность, я, так и быть, расшатаю пару стульев для тебя.

— Забудь, — отмахиваюсь и ускоряю шаг, но Иван без труда подстраивается под него. — У тебя здесь неожиданно... прилично.

— Красавина, ты сейчас делаешь мне очень больно. Я думал, ты верила в меня все эти годы.

— Все эти годы я о тебе даже не вспоминала, — бессовестно лгу.

Потому что нет-нет, да проскальзывало в памяти лицо этого нахала. То, с какой лёгкостью он взаимодействовал с миром там, где другие буксовали и застревали намертво.

Ваня придерживает меня за локоть, заставляя остановиться. Серьёзно смотрит в глаза.

— А вот сейчас не ври мне, Марья, — пытается на дне моих зрачков отыскать какие-то ответы. — Не может быть, чтобы не вспоминала.

— Что, не верится, что на кого-то не распространяется твоё обаяние?

— Не верится. Потому что мне-то память не отшибло, и я помню ту ночь, и...

Резко дёрнувшись вперёд, затыкаю ему рот ладонью.

— Ты чего орёшь?! — Шикаю. — Хочешь, чтобы весь твой офис знал об этом досадном инциденте?

— Досадном инциденте... Вот, значит, как... — с упрёком. — А тогда ты иначе говорила. Уходит вперёд.

Шут гороховый.

Смотрю ему в спину и мысленно напоминаю себе, что зарплата официальная, деньги мне нужны, а увольняться в первые двадцать минут рабочего дня исключительно из принципа будет несколько опрометчиво.

Ивана здесь знают все. И общается он со своими подчинёнными так, словно свой в доску.

— Иван Андреевич, вы смету по «Арсеналу» смотрели? — девушка лет двадцати пяти почти бегом догоняет нас возле застеклённой переговорной и протягивает ему планшет.

— Смотрел. Даже поплакал, — Иван берёт планшет, быстро листает что-то пальцем. — Здесь неправильно посчитана электрика. Верни подрядчику, пусть пересобирает, я это не подпишу.

— Они говорят, цены опять выросли, — девушка хмурится и указывает ему на какую-то строку. Иван ещё раз смотрит, отрицательно качает головой и возвращает планшет.

— Не настолько. Я вчера видел их закупку, там процентов десять сверху просто от большой любви к нам. Убери, и снова мне пришли. И не соглашайся, когда они начнут заливать про голодных детей. Я в курсе, что Кузнецов себе на той неделе новый «Лексус» с салона взял.

Девушка смеётся, кивает и уходит, а я невольно провожаю её взглядом.

Несколько секунд назад Иван Царенко выглядел и звучал настолько адекватно, что мой внутренний мир получил ещё одну маленькую трещину.

Не то чтобы я считала его идиотом.

Даже в университете Ваня никогда им не был, и в этом заключалась причина моего раздражения.

Если бы Царенко хотя бы половину энергии, которую тратил на поиск обходных путей, направлял в нужное русло, давно бы уже в правительстве сидел.

— Иван Андреевич! — Окликают его снова. Мужчина высовывается из-за монитора и машет рукой. — Котов сегодня будет или опять переносим?

— Будет. В три.

— Вчера вы говорили в два. Я поэтому спрашиваю.

— Вчера я был молод, неопытен и верил людям. Сегодня Котов позвонил и разрушил мои иллюзии, так что в три.

Раздаются смешки, и я снова оглядываюсь по сторонам.

Здесь вообще какая-то подозрительно ненормальная для большого офиса атмосфера: люди не замолкают при появлении руководителя, не делают вид, что страшно заняты, не шаркают из прохода.

Ну и что? Это ещё ничего не доказывает.

Может, подчинённых он терроризирует по пятницам?

— Тут же есть ещё этаж? — Спрашиваю, когда мы подходим к лестнице, ведущей наверх.

— Угу. Наверху проектировщики, дизайнеры, бухгалтерия, юристы и мой кабинет, — перечисляет он и оборачивается ко мне на первой ступеньке. — Хочешь спросить, откуда у двоечника деньги на аренду двух этажей?

Отрицательно качаю головой.

На самом деле я хочу спросить, где он держит настоящих сотрудников. Ведь очевидно, что всё это — постановка. Ну не может же он быть таким хорошим руководителем!

Приёмная Ивана оказывается просторной и полной света, что заглядывает через огромные окна. На краю большого стола ресепшена стоит раскрытая коробка с эклерами, а за ноутбуком сидит очень беременная женщина.

Живот у неё действительно внушительный, но никакой опасности для дверных петель я не наблюдаю.

— Оленька, встречай пополнение! — Объявляет Иван, распахивая дверь передо мной. Женщина отрывается от экрана, подозрительно щурится.

— Какое ещё пополнение?

— Марья Красавина. С сегодняшнего дня твоя преемница, так что можешь перестать делать вид, что собиралась работать до родов.

Оленька перестаёт жевать эклер и рассматривает меня уже с настоящим интересом. Потом снова переводит глаза на Ивана.

— Вы сами её наняли?

— А чего вы сегодня все так удивляетесь? — Возмущается Царенко, прижав ладонь к груди. — Я вообще-то руководитель. Иногда руковожу.

Оленька недоверчиво хмыкает.

— А я что? В утиль?

— Оленька, ну чего же сразу в утиль? Тебе давно пора дома сидеть, а ты всё мои двери своим животом запугиваешь. Можешь теперь со спокойной совестью отдыхать.

— Вот ещё! Я вам сказала, что пока не рожу, отсюда не уйду! Ясно вам, Иван Андреевич?

— Ясно. Так, а это ещё что? — Тычет Иван пальцем в почти разорённую коробочку со сладостями.

— Эклеры...

— Ты их где взяла?

— Да там стояли, никому ненужные... — неопределённо взмахивает рукой в сторону кабинета начальника.

Царенко же с чувством закатывает глаза.

— Оля, это мои эклеры!

— Ребёночку нужен сахар!

— Напомни, это мой ребёночек?

— Нет, — Оленька с готовностью мотает головой.

— Тогда почему он съедает все мои стратегические запасы?

— Вот вы жлоб, Иван Андреевич! — Помощница обиженно складывает руки на груди, кладёт в коробочку откусанный эклер и двигает ту от себя по столу. — Ну и забирайте! Жалко, блин, беременяшке кусочек сладкого!

— Так, всё, — Царенко лишь машет на Олю рукой. — Оставляю её тебе. Проведи ликбез, объясни, что к чему у нас тут всё. Поняла?

— Поняла, — бурчит.

Ваня, лихо развернувшись на пятках, сматывается из офиса, оставляя меня наедине с Оленькой, которая, к слову, сразу после исчезновения босса двигает эклеры обратно. Смотрит в коробочку, сокрушённо вздыхает и отправляет в рот последний кусочек, который минуту назад собиралась великодушно вернуть законному владельцу.

— Марья, да? Идём, сейчас я тебе всё покажу и расскажу...

Глава 4

Марья.

Оля упирается ладонями в столешницу, осторожно выпрямляется и пару секунд стоит, придерживая живот снизу.

— Сейчас покажу тебе самое важное место в компании, — сообщает она заговорщически и направляется к двери кабинета Ивана. Идёт медленно, переваливаясь с ноги на ногу.

Следую за ней.

Кабинет Царенко оказывается до неприличия просторным. Большой стол возле панорамного окна, диван, кресла, длинная тумба вдоль стены, бар с бутылками минеральной воды, кофемашина и ещё одна дверь, вероятно ведущая куда-то в служебную часть. На стене висит огромный экран с открытым проектом какого-то здания, рядом лежат рулоны чертежей, несколько папок и строительная каска.

Никаких разбросанных по офису носков. И даже календаря с голыми женщинами нет.

Оля целенаправленно прёт к бару. Открывает дверцы, заглядывает внутрь, но ничего интересного там, судя по лицу, не обнаруживает.

— Перепрятал, зараза, — задумчиво покусывает ноготь большого пальца.

— Перепрятал что?

— Эклеры.

— Так может, их просто нет?

— Это Иван Андреевич хочет, чтобы я думала, будто их нет. А у меня сейчас нюх как у овчарки. Я сладкое за версту чую, — Оля, прищурившись, наклоняется и открывает нижний шкафчик. Потом ещё один. Недовольно цокает. — Надо же, растёт над собой.

Она обводит подозрительным взглядом кабинет. Короткими дозами втягивает в себя воздух, действительно смахивая на собаку. Глаза её замирают на стеллаже, плотно забитом папками.

— Да ну!

Она подходит к стеллажу и вытаскивает с верхней полки толстую папку с надписью «Договоры 2024». За папкой обнаруживается небольшой бумажный пакет.

— Вот жук! В договорах спрятал! Знает ведь, что туда я не полезу, — вытаскивает из пакета заветную крафтовую коробочку. — Всё, уходим. Если что — ты ничего не видела.

— Ладно... — киваю, несколько обескураженная высокими отношениями начальника и подчинённой.

Но ведь Оленька глубоко беременна. А беременные, как известно, далеко не всегда ведут себя адекватно.

Мы возвращаемся в приёмную, где Оля устраивается за столом, открывает новую коробку и, совершенно счастливая, достаёт свежий эклер. Разворачивает ко мне монитор. Я же открываю свой блокнот, чтобы записывать важную информацию.

— Значит, официально ты личный помощник руководителя. Неофициально твоя главная задача состоит в том, чтобы Иван Андреевич в нужное время оказывался в нужном месте и желательно понимал, зачем приехал. С клиентами напрямую будешь общаться редко, но календарь, встречи, документы, подрядчики, билеты, гостиницы, напоминания, звонки, согласования — всё это через тебя.

Звучит уже несколько солиднее, чем просто кофе подносить.

Не финансовый директор, конечно, но хотя бы не официантка.

Оля открывает календарь, и я невольно подаюсь ближе. День Ивана расписан практически поминутно: встречи, совещания, звонки, выезды, какие-то планёрки, просмотр объекта, ещё одна встреча вечером. Завтра выглядит не лучше, послезавтра тоже.

— Он правда всё это успевает?

— О, отнюдь! Но твоя задача сделать так, чтобы он успевал хотя бы половину.

Она объясняет систему календаря, пометки возле фамилий, приоритеты и несколько чатов, в которых постоянно появляются сообщения. Через десять минут я уже перестаю думать о том, что Царенко нанял меня из желания поиздеваться, потому что информации слишком много.

— Вот эти двое имеют право звонить ему в любое время, — показывает Оля.

— Алёна... Соня...

— Угу. Если они звонят и просят соединить, не спрашивай, свободен ли Иван Андреевич. Просто соединяй.

Сразу две женщины.

Интересно, с обеими Иван в серьёзных отношениях, или как? Или, быть может, одна из них жена, а вторая любовница?

А что? Это вполне в духе Царенко.

— Если Иван Андреевич говорит, что встреча займёт пять минут, закладывая двадцать. Если говорит, что у нас небольшая проблема, скорее всего, проблема большая. — Оленька подаётся вперёд и переходит на доверительный полусёпот: — А если, не приведи Господь, он говорит, что всё контролирует, немедленно вызывай юристов.

Рука с ручкой зависает над блокнотом.

— Это шутка?

Но судя по взгляду, которым награждает меня Оленька, это вовсе не шутка.

Ладно...

— Ой, чуть не забыла про самое главное! — Оленька вдруг становится очень серьёзной.
— Утро!

— Что утро?

— Каждое рабочее утро в семь часов ты должна звонить Ивану Андреевичу.

— Зачем?

— Чтобы разбудить, — Оленька, незамутнённо порхая ресницами, суёт в рот половину эклера и подталкивает пальцем. — Он игнорирует будильники.

Смотрю на неё в попытке понять, издевается она или нет. Но Оленька сохраняет совершенно серьёзное лицо.

— То есть в мои должностные обязанности входит звонить взрослому тридцатипятилетнему мужчине и сообщать, что солнышко встало и пора открывать глазки?

— Ох, Марья. Не такая уж большая плата за адекватного начальника. Работала я в другой фирме, так там босс меня за задницу лапал. Пусть уж лучше такой, как Иван Андреевич, чем эти альфа-самцы недобитые. Так вот, главное правило: если он сказал «я встал», не верь.

Медленно откладываю ручку.

— Господи.

— Я серьёзно. Его «встал» означает «вырублюсь, как только ты положишь трубку».

Это уже выходит далеко за рамки любого трудового договора, который я когда-либо видела.

— И что же я должна делать?

— Разговаривать.

— О чём?

— О чём угодно. Можешь даже ругаться. Главное, не клади трубку, пока не убедишься, что он реально поднялся. Когда услышала кофемашину, можешь отключаться. Всё. Царенко запущен.

В недоумении смотрю на собственные записи. Дурдом как он есть!

Мне хочется спросить, почему человек, управляющий компанией на два этажа, не способен самостоятельно вылезти из кровати. Но после сегодняшнего дня я уже начинаю подозревать, что именно из таких противоречий Иван Царенко и состоит.

В одном месте проверяет сметы подрядчиков и знает закупочные цены.

В другом нуждается в специально обученной женщине, которая утром по телефону заставляет его открыть шторы.

Шут гороховый.

— А варить ему кофе тоже входит в мои обязанности?

— Только если сама захочешь. У него в кабинете кофемашина, он прекрасно умеет нажимать кнопку.

А мне он другое сказал. Точно, жук.

Оля облизывает с пальца крем и закрывает опустевшую коробку именно в тот момент, когда на пороге приёмной появляется мой новоиспечённый босс собственной персоной.

Оля шустро смахивает коробку со стола и подпихивает её ногой так, чтобы скрыть от вездесущего взгляда начальства.

— Значит, нашла, — сужаются глаза Царенко.

— Что? — Невинно моргает Оля.

— Вторую коробку.

— Какую ещё вторую коробку?

— Которую я спрятал за договорами.

— Не знаю, о чём вы, Иван Андреевич.

— У тебя крем на губе.

Оленька мгновенно облизывается.

— Где?

— Я не понимаю, почему Господь посылает мне такие испытания.

— Чтобы уберечь вашу фигуру от вредных углеводов.

Иван закрывает глаза и тяжело вздыхает.

— Ладно. Красавина, в мой кабинет, — меняется его тон, когда он переводит взгляд на меня.

Маску балагура и весельчака словно ветром сдувает с серьёзного лица.

Ну, всё. Кажется, начинается главная часть представления...

Глава 5

Марья.

Захожу следом за Иваном и останавливаюсь возле стола, пока он копается в каких-то бумагах, словно напрочь забыл о моём существовании.

— Да ты садись, Красавина, садись. Давай обсудим, как мы дальше с тобой будем жить, — предлагает он, не отвлекаясь от активных поисков, и взмахивает на кресло напротив.

Формулировка мне сразу не нравится, а довольная физиономия Ивана нравится ещё меньше.

— Работать, Царенко. Мы будем работать, — машинально поправляю. — А что ты ищешь?

— Одну важную вещь...

— Документы? Тебе помочь поискать?

— Справлюсь. Ну, с чего начнём? Можно для начала решить самое скучное: оформление, доступы, зарплата, график, а потом перейдём к приятному.

— Что в твоём понимании приятное?

— Я буду рассказывать, что тебе делать, а ты возмущаться. Примерно как в институте, только теперь с легальным на то правом.

Я знала, что мы обязательно к этому придём.

Знала!

Но надеялась почему-то, что за тринадцать лет Царенко хоть чуточку повзрослел.

Однако даже самая крохотная надежда гаснет, когда он, сияя от радости, выныривает из-под стола, сжимая в руках огромного мадагаскарского таракана.

— Нашёл! Феденька нашёлся!

— Ты со всеми тараканами в офисе знаком лично? — Брезгливо морщусь.

— Феденька у нас особенный, — Царенко подносит насекомое прямо к моему лицу, а я отшатыриваюсь в сторону. — Не бойсь, Красавина. Федя резиновый и абсолютно безобидный.

Да, действительно. Резиновые усики, однако, как настоящие подрагивают в воздухе при малейшем движении Ивана.

Мерзость какая!

— Позволь спросить, зачем тебе это... этот...

— Федя. Мне сегодня нужно будет вытрясти из финансистов денег, желательно побольше. Поэтому не плохо иметь при себе какой-нибудь артефакт влияния. Галина Михална жуть как боится насекомых.

— А мог бы устроить меня в финансовый отдел, и извращаться бы не пришлось.

— Серьёзно? — Царенко задумчиво постукивает тараканом по подбородку. — Нет, звучит скучно. Мне не подходит. К тому же, кто тогда будет приносить мне свежую газету и лаять на посетителей в приёмной?

— Я тебе не собака!

— А я разве так сказал?

— Учти сразу, если ты нанял меня исключительно ради мести, я терпеть это не стану. Я финансист с хорошим образованием и большим опытом.

— Ради мести? Вот, значит, какого ты обо мне мнения? Хотя, чего уж там, ты никогда слишком хорошо обо мне и не думала. Куда уж мне, простому смертному, до нашей королевы.

Закусив губу, выдерживаю пытливый взгляд.

— Ладно, — Иван двигает ко мне какие-то бумаги и показывает ручкой на нужную строку. — Читай, финансист. Мелким шрифтом ничего не прописываю, душу не забираю, кровью подписывать не заставляю, и уж тем более на девственность твою не претендую.

— Царенко! — Вспыхивают мои щёки.

— А, я забыл. Твою девственность я уже забрал, — самодовольная улыбка в миг разгорается на лице и тут же гаснет. — Всё, читай, не отвлекаю.

Не отвлекает он...

Воркуя с резиновым тараканом, Царенко отворачивается к окну за своей спиной.

Я же думать не могу ни о каком договоре, потому что вновь и вновь в голове вспыхивает картинка той ночи. Одной единственной ночи, которую мы разделили на двоих.

Чёрт тебя дери!

Заставляю себя вернуться в реальность и сконцентрироваться на буквах. Приходится читать, с первого до последнего пункта, потому что доверять Ване на слово я не собираюсь.

Условия оказываются вполне нормальными: официальное оформление, более чем достойная зарплата, отпуск, больничный, даже оплачиваемый испытательный срок.

Но вот на графике внезапно спотыкаюсь.

— С девяти до шести мне не подходит, — поднимаю на Царенко глаза.

Иван крутится в кресле, разворачиваясь ко мне лицом.

— Быстро ты. Первый день, а уже начальнику условия ставишь.

— Я не могу до шести. В пять я должна уходить из офиса.

— Почему в пять? — Интересуется лениво и как будто без особого интереса.

— Потому что мне так нужно.

— Очень содержательно. А поконкретнее?

— Нет, Вань. Или в пять, или я не смогу здесь работать.

Он чуть приподнимает брови, явно не ожидая настолько прямого и безапелляционного отказа, а я снова опускаю глаза в договор.

Про Варю я ему говорить не хочу.

Нет, я вовсе не скрываю существование дочери, просто это моя частная жизнь, в которую у Царенко нет и не будет доступа.

Я ведь имею право на частную жизнь?

Скажи я ему про дочь, начнутся расспросы и про мужа, и про развод. И тогда Иван будет в курсе, в насколько бедственном положении я нахожусь и насколько зависима сейчас от него.

А я не хочу сейчас давать ему ещё один козырь.

— Каждый день? — Спрашивает он спустя несколько секунд.

Киваю, не отрываясь от текста.

— Каждый рабочий день. Если что-то действительно срочное, предупреждаешь заранее, и я решаю, могу остаться или нет.

— Ты решаешь? — Повторяет с удивлением в голосе. — С чего бы?

Поднимаю голову и встречаю его взгляд.

— Представь себе, у меня есть жизнь за пределами твоего офиса.

— Неожиданно, но допустим. — Царенко усмехается, откидываясь в кресле. Я прекрасно вижу, как в его глазах появляется знакомый огонёк, и мысленно бьюсь головой о стену, потому что сейчас начнётся. — Допустим, в четыре пятьдесят девять клиент приносит нам контракт на сто миллионов.

— Пусть приходит раньше.

— У него самолёт задержался.

— Его проблемы.

— Он очень расстроится.

— Утетишь.

— Я плохо утешаю.

— Научишься.

Иван несколько секунд молчит, потом кивает, словно принимает условия какой-то серьёзной сделки.

— Хорошо. В четыре пятьдесят девять у меня случается сердечный приступ, — предлагает он новую вводную и прижимает ладонь к груди. — Падаю вот здесь, прямо на ковёр. Что ты делаешь?

— Вызываю скорую.

— А потом?

— В пять ухожу.

Он хохочет и качает головой. Я тоже едва сдерживаю улыбку, хотя стараюсь выглядеть максимально серьёзно.

— Бессердечная женщина. А если я вцеплюсь тебе в ногу и не отпущу?

— Иван, тебе тридцать пять.

— Вот именно. В тридцать пять особенно страшно умирать в одиночестве.

Нет, Марья, ты совсем тронулась, если решила, что вы сработаетесь.

Очевидно ведь, что никаких серьёзных, пусть даже рабочих отношений, с этим человеком построить не получится.

Ведь он буквально каждый диалог превращает в стендап шоу.

— Значит, с восьми до пяти, — возвращаю разговор туда, откуда он так старательно его увёл.

Иван, прищурившись, несколько секунд рассматривает меня.

— А всё-таки почему?

— Я же сказала, что это личное.

— А я любопытный.

— Это не моя проблема.

— Ладно...

Он встаёт и неспешно обходит стол, направляясь к двери. Поворачивает ключ в замке, после чего так же спокойно кладёт его себе в карман.

Глава 6

Марья.

В полном непонимании таращусь на дверь.

— Что ты сейчас сделал?

— Закрывл дверь.

— Это я вижу. Зачем?

— Потому что могу.

Он возвращается к столу, устраивается на краю прямо напротив меня и складывает руки на груди. На лице написано такое откровенное удовольствие, что сомнений не остаётся: передо мной опять тот самый Ваня с последней парты, которому дали новую игрушку.

— И что дальше, Царенко? — Начинаю медленно закипать.

Иван же равнодушно пожимает плечами.

— Ничего. Интересно было посмотреть на реакцию.

— Открой.

— А если не открою, что ты мне сделаешь?

— Для начала напомню, что испытательный срок работает в обе стороны.

— Грозишься уволиться?

— Предупреждаю. Я не собираюсь играть с тобой в идиотские игры только потому, что за тринадцать лет ты так и не нашёл в себе сил повзрослеть. Обиженных мальчиков я предпочитаю обходить стороной.

Ноздри его хищно вздрагивают. Самодовольная ухмылка исчезает. Взгляд вспарывает меня вдоль тела.

Синие глаза медленно сканируют, обводя линию плеч, груди, изгиб талии и бёдер. И мне кажется, что он проникает не под одежду, а под самую кожу. И видит меня настолько уязвимой, что мне иррационально хочется обнять себя обеими руками, чтобы почувствовать хоть какую-то защиту от этого гипнотизирующего внимания.

— А я не обижался, Красавина. Напротив, ты мне крайне симпатична.

— И ты решил, что я обязана быть в курсе твоих симпатий?

— Если женщина запала в душу, стоит её об этом уведомить. Чтобы была готова к посягательствам на своё сердце. И честь.

— И когда же я успела запасть в твою душу?

— Тринадцать лет назад, — выпаливает, глазом не моргнув.

С шумом выталкиваю из себя воздух.

— Вань, пожалуйста, открой дверь.

Он позволяет себе ещё пару секунд нецеломудренных разглядываний, но всё же достаёт ключ и поворачивает его в замке.

Возвращается за стол и, словно забыв о моём существовании, утыкается в монитор ноутбука.

— Граница обнаружена, зафиксирована, занесена в протокол. С восьми до пяти, я тебя понял. Заберёшь копию исправленного договора завтра. А теперь всё, Красавина, уйди с глаз моих.

Повторять дважды мне не нужно — я пулей срываюсь с места и исчезаю из поля зрения Царенко.

Каждая минута наедине с ним ощущается как экзамен для нервной системы!

К пяти часам голова моя гудит от новых фамилий, календарей, паролей и внутренних чатов. Оленька всё объясняет, иногда перескакивая с одной темы на другую, а я всё чаще поглядываю в правый нижний угол экрана компьютера.

Ровно в пять убираю свой блокнот в сумку.

— Убегаешь? — спрашивает Оля, взглянув на часы.

— Да, мне пора.

— А босс?

— Он в курсе, — на автомате перевожу взгляд на двери его кабинета.

Я почему-то жду, что он сейчас обязательно выскочит оттуда со срочным заданием, чтобы ещё раз проверить на прочность мои границы и протестировать серьёзность намерений, но дверь остаётся закрытой.

Сматываюсь, пока меня никто не держит, а уже через сорок минут стою возле школьного крыльца и высматриваю Варю среди детей.

Замечаю не сразу.

Дочь сидит на краю невысокой клумбы чуть в стороне от остальных, положив рюкзак рядом.

Вокруг носятся дети, которых родители забирают с продлёнки. Толкаются у калитки, носятся друг за дружкой, стоят на ушах. Несколько девочек сбились кучкой возле крыльца и оживлённо что-то обсуждают.

А Варюша ковыряет носком кроссовка асфальт и смотрит себе под ноги.

Внутри неприятно ёкает.

— Варюша! — Окликаю её, машу рукой. Она вскидывает голову, бежит ко мне и широко улыбается.

Только я слишком хорошо знаю собственную дочь.

— Привет, мам! — Подлетает она ко мне.

— Привет, котёночек, — целую её в макушку. Забираю рюкзак и невольно снова смотрю туда, где всё ещё стоят девочки из её нового класса.

— Нормально. Мы делали аппликацию, а ещё мне по математике пятёрку поставили.

Говорит быстро, старательно перечисляя всё хорошее. Я слушаю и веду её к машине, но ощущение неправильности никуда не девается.

— Как с ребятами? Удалось сегодня с кем-то подружиться?

Варя пожимает плечами и дёргает молнию на куртке.

— Немного. Они просто давно все дружат.

Открываю машину и забрасываю рюкзак на переднее.

— Ничего. Скоро и ты вольёшься в коллектив.

— Угу, — Варя кивает, хотя особого энтузиазма на лице не появляется.

В прежней школе всё было иначе, ведь с половиной детей в классе она была знакома ещё с сада.

А теперь новая школа. Обычная, бюджетная, зато в десяти минутах от дома.

Но перевод в самом конце учебного года не прошёл гладко. Все дети уже выбрали себе друзей, разбились по интересам. И Варюше теперь сложно.

Ей всего семь, ей нужны друзья. Нужна стабильность.

Но иначе было нельзя.

Я просто не потянула бы дорогую частную школу. А если и нашла бы деньги на оплату обучения, то не прошло бы много времени, прежде чем дети поняли бы, что Варя больше не дочь богатых родителей.

Точнее, один богатый родитель у неё остался. Но он ясно дал понять, что помимо алиментов ни о какой поддержке речи идти не может. Ведь я сама решила взять на себя ответственность и разрушить семью.

По мнению Романа, таким образом он учит меня. Преподает уроки жизни.

— Ну что, теперь на танцы? — Оборачиваюсь к Вале и завожу машину.

Дочка наконец оживляется и быстро кивает.

— Конечно! Алина Сергеевна сказала, что сегодня выберет девочку для соло. Я бы хотела ею стать...

— И станешь.

Пока едем, Варя наконец расслабляется и начинает болтать. К танцевальной студии мы приезжаем уже почти в нормальном настроении.

У дверей Варя замечает знакомую девочку и тут же убегает к ней, а я остаюсь в коридоре одна.

Сажусь на диванчик возле раздевалки и прислоняюсь затылком к стене.

За дверью гремит музыка. Через небольшое стекло вижу, как Варя становится к станку рядом с другими девочками, что-то говорит соседке и смеётся.

Здесь она своя.

Хоть где-то сегодня она своя.

А я закрываю глаза и думаю о том, что завтра в семь двадцать должна звонить Ивану Царенко и будить его на работу.

Моя новая жизнь определённо начинает приобретать какой-то очень странный сюжет...

Глава 7

Марья.

— Давай, Марья, соберись. Ничего страшного в этом нет, — уговариваю себя, глядя на сотовый с номером Ивана на экране.

Всё сильнее чувствую себя круглой идиоткой.

Я должна позвонить тридцатипятилетнему мужику и проконтролировать, вылез ли он из постели.

Причём не просто мужику, а Ване Царенко.

Вчерашнему двоечнику с последней парты, который каким-то необъяснимым образом обзавёлся компанией на два этажа, сотней с лишним сотрудников и личной женщиной-будильником.

На часах меняются цифры.

07:00.

Выдохнув шумно, нажимаю кнопку вызова.

Один гудок. Второй. Третий. На четвёртом уже решаю, что совесть моя чиста и Оленьке придётся признать поражение своей системы, когда в динамике раздаётся хриплое:

— Кто это?.. Если это не секс по телефону, то я кладу трубку.

На секунду теряю дар речи, но потом вспоминаю, с кем разговариваю.

— Иван, это я. Марья.

— Марья? Марья... Марья... — бормочет сонно. — А, Марья! Ты занимаешься сексом по телефону?

— Да нет же, я...

— Тогда я кладу трубку.

Не успеваю возмутиться — Иван действительно сбрасывает звонок. А я в недоумении тарашусь на горящий экран телефона.

Вот же недоумок!

Захожу на второй круг, дозваниваюсь повторно.

— Кто это? — Снова раздаётся сонное и невнятное.

— Это Марья!

— А-а, Красавина! Доброе утро! Приятно, когда женщина сама звонит с утра пораньше. Я знал, что наша встреча что-то в тебе пробудила.

— Единственное, что она пробудила, это желание найти тебе нормальный будильник. Вставай.

— Уже.

— Врёшь.

— Почему сразу вру?

— Оля меня обо всём предупредила.

— Вот предательница. Ей надо, пусть и встаёт в такую рань.

— Иван, ты на работу опоздаешь, — потихоньку теряю терпение.

Вообще-то, я и сама такими темпами опоздаю. Надо ещё успеть Варю завтраком покормить и в школу закинуть.

— Знаешь, в чём прелесть быть начальником? Никто не упрекнёт тебя в том, что ты опоздал.

— Я упрекну. Живо вставай. Ты, как начальник, должен своим примером мотивировать сотрудников.

— Красавина, а ты что такая душная с утра, м? А включи видео?

— Это ещё зачем?

— А я тебе своего малыша покажу, — ржёт надо мной, идиот.

— Фу, Вань, это ужасно! Не хочу я на него смотреть.

— Ладно, я тебе тогда фотки скину.

— Не встанешь немедленно, я ОМОН на твой адрес вызову, понял?

— Понял, понял. Ты страшная женщина! Всё, встаю. — В трубке что-то шуршит а потом оглушительно грохочет. Царенко недовольно шипит.

— Что случилось? Ты упал?

— Красавина, вот не надо столько надежды в голосе! Всё, встал.

— Я должна услышать, как работает кофемашина.

— Все-то у тебя работать должны с самого утра. Работа-работа... А поговорить?

— Нам не о чем разговаривать в семь утра.

— А мне казалось, у нас накопилось всякого за эти тринадцать лет.

Воздав глаза к потолку, беззвучно вопрошаю у небес за что они ниспослали на мою голову такого босса.

В трубке раздаётся мерное автоматическое гудение.

— Слышишь?

— Слышу.

— Значит, я свободен?

— До девяти. Не опаздывай на работу.

— Какая ты зануда, Красавина, — отключается первым.

Ещё несколько секунд смотрю на погасший экран, качаю головой.

Вот тебе и новая работа, блин.

Иду будить дочь.

Варя ест завтрак сонно, подперев щёку кулаком, и минут пять ковыряет ложкой кашу, прежде чем я напоминаю, что до звонка осталось не так много времени. Тогда дочь оживает, торопливо доедает, убегает чистить зубы, а я между делом собираю её рюкзак и проверяю по дневнику, все ли учебники и тетради она взяла.

К школе подъезжаем без опозданий.

На улице, несмотря на утро, уже тепло. Май в этом году выдался приятный, поэтому дети торопиться в здание школы не хотят: толпятся возле крыльца, гоняют мяч, кто-то сидят на низком ограждении. Девочки кучками стоят чуть поодаль.

Паркуюсь через дорогу и поворачиваюсь к Варе.

— Ну что, котёнок, вечером заберу тебя и на танцы?

— Угу.

Она тянется к ручке двери, но я задерживаю её за рукав.

— Варюш.

— Что?

— Всё хорошо?

Дочь смотрит на меня своими серьёзными серыми глазами. Наверняка понимает, о чём именно я спрашиваю.

Дети вообще куда лучше взрослых считают смыслы, которые мы, взрослые, так старательно прячем.

— Мам, всё нормально.

— Точно?

— Точно, — она улыбается, целует меня в щёку и выпрыгивает из машины.

Я не уезжаю сразу, хотя до работы ещё прилично, а с моим новым руководителем лучше пока не проверять, насколько гибко он воспринимает понятие начала рабочего дня.

Наблюдаю за тем, как Варя по пешеходу переходит дорогу, заходит через калитку, идёт к крыльцу. Несколько девочек из её класса стоят справа, смеются над чем-то, показывают друг

другу телефон. Дочь замедляется возле них, и я с надеждой жду, что она проявит инициативу и подойдёт.

Но она проходит мимо и останавливается у стены школы. Поправляет лямку рюкзака, смотрит на детей, потом достаёт из кармана какую-то резинку и наматывает её на пальцы.

Одна.

Мои же пальцы сильнее сжимают руль.

Ничего страшного не происходит. Никто её не прогоняет. Никто не смеётся и не обзывает. Возможно, через неделю всё действительно изменится, а ещё через месяц я буду только усмехаться, вспоминая собственную тревогу.

Но сейчас Варя стоит одна.

Потому что я забрала её из привычной школы, где она знала всех и где все знали её. Потому что я решила начать новую жизнь и автоматически потащила ребёнка за собой, будто семилетний человек способен поменять всё так же легко, как взрослый.

Хотя я сама, если уж быть честной, тоже справляюсь не блестяще.

Ещё три месяца назад я жила в большом доме, работала на замечательной работе, и могла вообще не задумываться, сколько стоят Варины кроссовки или годовой абонемент на танцы. Сейчас считаю каждую копейку, снимаю квартиру, устраиваюсь личной помощницей к бывшему однокурснику и по утрам контролирую, запустил ли он кофемашину.

История успеха, достойная журнала «Форбс»...

На крыльцо выходит учительница. Дети собираются в кучку. Варя тоже двигается за всеми, и только тогда я наконец завожу машину.

Поступила ли я правильно?

Вопрос давно поселился внутри и особенно любит вылезать в такие минуты.

Но ответа на него у меня всё ещё нет.

На работу приезжаю с опозданием на три минуты. Надеюсь, что Иван в своём репертуаре тоже задержится, но, к моему величайшему разочарованию, когда я поднимаюсь в его офис, он уже стоит возле Оленькиного стола с чашкой кофе в руке.

Увидев меня, он демонстративно смотрит на часы.

— И как это понимать, Красавина? День ещё не начался, а ты уже лажаешь.

Оленька поднимает голову от монитора.

— Иван Андреевич, вы сами две минуты назад явились. Что вы человека пугаете? Если бы она вас не разбудила, вы бы и к обеду не явились.

— А ещё она отказалась малыша смотреть!

— Не все готовы делать такие резкие шаги в отношениях, Иван Андреевич.

Он прищуривается, глядя на меня, запыхавшуюся, снисходительно.

— Ладно, на первый раз прощаю, — втягивает в мои руки пустую чашку. — Раз уж пришла, сделай мне ещё кофе.

Он уходит к себе с совершенно довольным лицом, а я сажусь за стол и включаю компьютер.

— Не обращай внимания, — шепчет Оля. — Он проверяет, где у тебя какие кнопки.

— Я уже поняла.

— Главное, не показывай самые чувствительные. Он не злой. Просто любит провоцировать.

Но мне уже поздно думать о каких-то там чувствительных кнопках. О существовании многих из них Царенко знает ещё с института.

Следующие несколько часов проходят под эгидой мелкого терроризма. Сначала Иван вызывает меня в кабинет, чтобы попросить найти письмо, которое лежит у него перед носом на столе. Потом отправляет уточнить, свободна ли переговорная, хотя календарь открыт у него

на компьютере. После приносит из бухгалтерии какую-то папку и просит отнести обратно в бухгалтерию.

Каждый раз смотрит совершенно серьёзно.

Каждый раз я почти верю, что задание настоящее.

Но это вновь и вновь оказывается лишь глупой проверкой границ. Желанием Царенко утвердиться за мой счёт, и ничего более.

Философски брюзжа себе под нос, разбираюсь с какими-то бумажками, что горой лежат на краю стола. Судя по датам, к ним никто не притрагивался уже несколько месяцев. И я, со своей любовью к упорядоченности, просто не могу удержаться в руках.

Ухожу себе за кофе, а когда возвращаюсь, Царенко стоит у стола, уперевшись в него бедром. В руках его зажат мой телефон, а на лице цветёт такая хитрая улыбка, что мне становится дурно.

— Тебе тут кто-то настойчивый названивает, — ловко крутит телефон в пальцах.

— Отдай! — Тянусь к нему, но Ваня задирает руку вверх.

— Что за Роман, м? Ухажёр?

— Не твоего ума дело, Царенко! Отдай телефон, ты права не имеешь трогать мои личные вещи!

— Имею, если они мешают рабочему процессу.

— Да? И как же он помешал тебе?

— Во-первых, он жужжит так, что я из своего кабинета слышу. Это отвлекает меня от просмотра фотографий с красивыми гулящими женщинами.

— Идиот... — фыркнув, предпринимаю ещё одну попытку вернуть своё имущество.

— А-а, — Иван перехватывает моё запястье и заводит за спину. Подаётся чуть ближе, оказываясь почти вплотную. Его дыхание опалает мою кожу, а синие глаза врезаются в мои. — Ты ещё не услышала причину номер два.

Окаменев, перестаю дёргаться.

Иван так близко сейчас, что между нами почти не остаётся воздуха, а моя рука всё ещё зажата за спиной в его ладони. Стоит чуть сильнее вдохнуть, и грудь коснётся его грудной клетки.

Это совершенно лишнее открытие лишает меня части рассудка.

— И какая же причина номер два? — Шепчу на выдохе.

— Мне стало интересно, кто так отчаянно пытается дозвониться моей новой помощнице в рабочее время, — тоже понижает голос Иван. Большим пальцем он проводит по внутренней стороне моего запястья.

От этого короткого, но нежного движения по руке до самого плеча пробегает дрожь.

Царенко замечает, и в уголке его рта тут же появляется довольная усмешка.

— Я очень жадный, Красавина. Не люблю делиться. А в рабочее время ты целиком и полностью моя.

Резко дёргаю руку на себя, и на этот раз он сразу отпускает.

Отступаю на шаг, выхватываю телефон и прижимаю его к груди, пытаюсь одновременно вернуть дыхание и сделать вид, что ничего не произошло.

— Ещё раз полезешь в мои вещи, останешься без пальцев.

— Вот теперь узнаю Красавину. А то я уже испугался, что взрослая жизнь тебя совсем испортила, — подмигивает мне и разворачивается к своему кабинету. — Кофейку принеси.

С раздражением смотрю на захлопнувшуюся дверь кабинета.

Удушу гада!

Но воплотить мечту в реальность не успеваю, потому что телефон в моих руках вибрирует от звонка.

На экране высвечивается имя бывшего мужа.

Глава 8

Марья.

Роман уже сидит за столиком у окна, когда я захожу в небольшое кафе через дорогу от офиса.

Место выбрала я сама, исключительно из практических соображений: обеденный перерыв не резиновый, а тратить половину его на дорогу ради бывшего мужа в мои планы совершенно не входит.

Он даже не встаёт, когда я подхожу. Только мельком смотрит на часы, потом на меня, и в этом коротком движении настолько привычно читается оценка, что я сразу напрягаюсь.

— Ты хотел встретиться в пятницу.

— Соскучился. Не смог больше ждать, — с явной иронией.

— У меня десять минут, Ром. Давай сразу к делу, ладно?

— К чему такая спешка?

— Мне потом на работу.

— Так ты нашла работу? — Снисходительно улыбается. — И где же трудится моя дорогая супруга?

— Бывшая супруга. И тебя больше не касается, где я работаю.

— М-да. Марь, тебе самой не смешно? — Именно так он всегда реагирует на мои попытки поставить границу: не злится открыто, а всем видом показывает, насколько нелепо выглядит моё сопротивление. — Господи, да кому нужны твои тайны? Можешь хоть общественные туалеты драить, если тебе так хочется доказать свою самостоятельность.

Пальцы сами сжимаются вокруг чашки, но лицо остаётся непроницаемой маской равнодушия.

Роман — типичный представитель вида энергетических вампиров. Лучшая подпитка для него — реакция.

Но я больше не собираюсь кормить собой этого кровопийцу.

— Так мы встретились, чтобы обсудить мою карьеру?

— Нет, — сжимает он губы в тонкую линию. — Я хочу обсудить нашу дочь.

— А что не так с Варей?

— А ты не знаешь?

— Роман, не начинай. Если что-то случилось, говори прямо.

— Ничего не случилось. Пока. — Он делает небольшой глоток кофе и внимательно смотрит мне в глаза. — Я вчера с ней разговаривал по телефону.

— И?

— Она несчастна, Марья.

Сердце неприятно ёкает и проваливается в желудок, но я заставляю себя не отводить взгляд.

— Что именно она тебе сказала?

— Что ненавидит новую школу.

— Она сказала слово «ненавидит»?

Роман раздражённо передёргивает плечами.

— Какая разница, каким словом это называет семилетний ребёнок? Она рассказала, что у неё нет друзей, что никто с ней не разговаривает, что она хочет обратно в лицей.

— Варя адаптируется. Она пришла в класс под конец учебного года. Естественно, ей и другим детям нужно время.

— Естественно, — легко соглашается Рома. — Но если бы её мать была чуточку мудрей, ей вообще не пришлось бы адаптироваться.

Молчу.

Роман как всегда безошибочно определяет брешь в моей броне.

— У неё была хорошая школа. Были друзья, учителя, к которым она привыкла, сильная программа, кружки. Всё было. Пока ты не решила доказать всему миру, что можешь обойтись без меня.

— Я ничего никому не доказываю.

— Правда? — Чуть наклоняет голову, рассматривая меня с почти искренним интересом.

— Тогда объясни, зачем ты выдернула Варю из привычной среды. Только не мне, себе объясни. Чем ей мешал лицей?

— Тем, что я больше не могу его оплачивать.

— А кто сказал, что ты должна была?

— Ты! — Мгновенно вспыхиваю от злости. — Когда заявил, что помимо алиментов больше ничего платить не намерен.

— Не переворачивай. Я лишь сказал, что не собираюсь финансировать твои попытки изображать независимую женщину. Это немного другое.

Даже слов для ответа не нахожу.

Он действительно не видит разницы?

Или видит, просто настолько привык перекраивать реальность под себя, что давно перестал замечать собственные манипуляции?

— А Варя здесь при чём?

— Вот именно, Марья. — Роман подаётся вперёд, и в голос впервые появляется нажим. — Я ровно об этом тебя и спрашиваю. Варя здесь при чём? Почему она должна жить в съёмной квартире, ходить в районную школу и терять друзей только потому, что её мать решила поиграть в самостоятельность?

— Мы не плохо живём, — ненавижу то, что мой голос звучит уже не так уверенно. — У Вари есть всё необходимое.

— Необходимое, значит. Это ты про кровать, еду и обувь? Поздравляю, минимальные требования органов опеки соблюдены.

— Не нужно специально заставлять меня чувствовать себя плохой матерью.

Взгляд Романа смягчается.

— Я не пытаюсь тебя заставить чувствовать что-либо. Если тебе от моих слов неприятно, может быть, дело вовсе не в словах?

Тоже делаю глоток кофе, только чтобы выиграть несколько секунд. Горечь оседает на языке.

— Чего ты хочешь, Ром?

— Чтобы Вале было хорошо.

— Конкретнее.

— Возвращайтесь домой.

Так и знала, что мы снова вернёмся к этому разговору. Вот только я за собой все мосты сожгла, все пути к возвращению разрушила.

— Нет.

Роман вздыхает, словно разговаривает с особенно упрямым ребёнком. Накрывает мою ладонь своей.

— У меня дом, к которому Варя привыкла. Её комната, нормальная школа, водитель, няня, всё, что у неё было раньше. Я могу сейчас же договориться с лицеем, и её возьмут обратно без вопросов. Ещё и красную дорожку к её возвращению раскатают.

Выдергиваю свою руку из холодной хватки.

— При условии, что мы переедем к тебе?

— Разумеется.

— То есть платить за её школу, пока она живёт со мной, ты не будешь.

— Не буду. Потому что я не собираюсь делать твоё решение уйти от меня комфортным. Знаешь, как говорят? Назвался груздём — полезай в кузов.

И козе понятно, что всё это делается не ради Вари. Это очередной шантаж, чтобы вернуть себе контроль.

Я знаю, что Рома может претворяться. Он может претворяться очень хорошо. Но как только ловушка захлопнется, он снова превратится в абьюзера и холодного нарцисса.

— Спасибо за честность.

— Марья, прошу, не устраивай драму. Ты сама выбрала эту жизнь.

— Я выбрала уйти от тебя.

— А теперь почему-то удивляешься последствиям.

Он откидывается на спинку кресла, полностью уверенный в собственной логике. А я смотрю на человека, с которым прожила столько лет, и всё никак не могу понять, как раньше умудрялась принимать это за заботу.

Потому что звучало иначе.

«Я лучше знаю».

«Давай я решу».

«Тебе не нужно об этом думать».

«Зачем тебе работать, если я могу обеспечить семью?»

По одному предложению, по маленькой уступке, год за годом. Пока в один момент от твоей собственной жизни остаётся только аккуратно выделенное место внутри чужой.

— Мы с Варей никуда не переедем.

— Это решение хорошей матери или обиженной женщины, которая боится проиграть мужчине?

Отодвигаю чашку и встаю.

— Хватит с меня.

— Я серьёзно. Посмотри на нашу дочь, — добавляет он металла в голос, почувствовав, что разговор ускользает. — Она несчастна. У неё нет друзей в школе. Вчера она плакала, когда мне рассказывала.

За грудиной рвётся и исходит кровью материнское сердце.

— Плакала?

— Да.

Почему мне не сказала?

Вопрос возникает мгновенно и приносит за собой другой, ещё хуже.

Почему не сказала мне, но сказала ему?

— Она не хотела тебя расстраивать, — продолжает Роман, будто читает мысли. — Сказала, что ты и так много нервничаешь, и сильно устаёшь. Видишь? Даже ребёнок старается тебя беречь. Если ты вернёшься ко мне, я избавлю тебя от всех проблем.

Поднимаю на него глаза.

Ненавижу его сейчас по-настоящему.

— От тех проблем, которые сам создал? Если бы не твои «благие намерения», меня бы не турнули с хорошей работы. Перед моим носом не закрылись бы все двери возможностей. Но ты вмешался. Вмешался в надежде, что я отчаюсь и приползу обратно на коленях. А когда понял, что это не сработает, решил зайти через Варю.

— Это ты держишься за неё, потому что без Вари вся твоя героическая история с уходом окончательно теряет смысл!

— Всё. Разговор окончен, — подхватываю свою сумочку. — Мы с Варей как-нибудь без твоих подачек справимся.

— Конечно. Но помни, что дверь моего дома всегда открыта на случай, если ты наконец одумаешься, встанешь на колени и станешь молить меня о прощении.

— Пошёл ты, Ром.

— Вот и поговорили.

Разворачиваюсь и ухожу.

До офиса идти пять минут, но к дверям бизнес-центра я прихожу с ощущением, что тащилась ползком через полгорода.

В голове гулким эхом повторяется одно и то же.

Она плакала.

Она хочет обратно.

Когда двери лифта открываются на нужном мне этаже, у меня возникает совершенно детское и инфантильное желание развернуться, уехать домой и спрятаться под одеялом. Вместо этого расправляю плечи и иду к своему столу.

— Красавина! — Поджидает меня на рабочем месте до омерзения довольный Царенко.
— А ты чего такая?

— Какая?

— Вот такая.

Исчерпывающее описание.

Обычно я бы огрызнулась. Возможно, напомнила, что человек, неспособный подобрать нормальное прилагательное, не имеет права руководить компанией.

Сейчас же сил на словесные дуэли нет.

— Всё со мной нормально, Иван.

— Не-а, не нормально, — прищуривается.

— Тебе виднее.

Сажусь и включаю ноутбук.

Царенко молча вытаскивает из-за спины что-то и кладёт рядом с моей клавиатурой.

Крафтовая коробочка с кусочком наполеона.

— Что это?

— Подкуп.

— Зачем?

— Хочу, чтобы ты опять смотрела на меня как на насекомое и фыркала. Мне некомфортно, когда ты такая спокойная.

И несмотря на свою грусть, уголок моих губ против воли растягивается в намёке на улыбку.

— Вот. Уже лучше. Можно закрепить результат: я скажу тебе что-нибудь мерзкое, а ты на меня наорёшь.

— Не надо, Вань.

Он наклоняется, опираясь ладонью о стол.

— Это тот Роман, да?

— Не твоё дело.

— Тот, который названивал?

— Иван, пожалуйста.

Он вздыхает, опустив взгляд на собственные пальцы. Двигает тортик поближе.

— Ладно, Красавина. Съешь сладкого и поймай дзен.

Уходит в кабинет.

Я смотрю ему вслед дольше, чем нужно. Потом всё же открываю почту и заставляю себя работать.

Получается плохо.

Цифры расплываются, одну и ту же строку приходится перечитывать трижды.

А когда мне наконец удаётся немного отстраниться от недавнего разговора с бывшим мужем, мой телефон звонит. На экране высвечивается имя классной руководительницы Вари, и я вся превращаюсь в комок нервов.

— Да?

— Марья Павловна, добрый день. Это Елена Викторовна вас беспокоит. Вам нужно приехать сегодня после уроков.

— Что случилось? С Варей всё в порядке?

— Физически да. Не пугайтесь. Но возникла неприятная ситуация, и я считаю, что нам лучше обсудить её лично.

Сердце уже долбит истошно где-то в горле.

— Какая ситуация?

— Марья Павловна, мы всё обсудим в школе. Буду вас ждать.

Сбрасываю звонок и напряжённо растираю глаза.

Господи, помоги...

Глава 9

Марья.

Всю дорогу до школы я уверяю себя, что Варя цела, никто не пострадал и ничего страшного не произошло, но человеческий мозг устроен отвратительно, и если тебе говорят «не пугайтесь», он немедленно достаёт из кладовки все возможные варианты катастрофы.

Поэтому в кабинет классного руководителя Вари я влетаю с истошно долбящим в горле сердцем.

Дочь сидит за первой партой и, увидев меня, тут же опускает глаза. Рядом с ней устроилась ещё одна девочка примерно того же возраста, в школьной форме, с чуть растрёпанным высоким хвостом и таким вызывающе спокойным выражением лица, словно вызвали сюда всех исключительно по недоразумению.

— Мам, — Варя поднимается, и я оказываюсь рядом. Быстро оглядываю её с головы до ног, проверяя лицо, руки, колени. Понятия не имею, что именно ищу.

— Ты цела? Нигде не болит? — Спрашиваю и только после её отрицательного жеста позволяю себе немного выдохнуть. — Что случилось?

— Марья Павловна, давайте дождёмся второго родителя и спокойно всё обсудим, — вмешивается классная руководительница. Наталья Сергеевна указывает на свободный стул рядом с Варей. — Родители Сони уже уведомлены и должны подъехать с минуты на минуту.

Перевожу взгляд на вторую девочку.

Та тоже смотрит на меня. Не испуганно и даже не виновато, а с нескрываемым любопытством, чуть прищурив синие глаза. В уголках губ прячется что-то лукавое, и чем дольше я её рассматриваю, тем сильнее меня царапает совершенно нелепое чувство, что это лицо я уже где-то видела.

— Это ты Соня?

Она кивает.

— Софья.

Интонация такая, что невольно хочется уточнить, не требуется ли обращаться ещё и по отчеству.

— У вас с Варей что-то случилось?

— Марья Павловна, — снова осторожно начинает Наталья Сергеевна, — именно поэтому я попросила вас приехать. Соня учится в третьем классе. Между девочками произошёл конфликт, и я бы очень не хотела сейчас разбирать его по частям до приезда второго родителя.

— Я не била, — вдруг сообщает Соня. Потом слегка морщит нос. — Это случайно вышло.

Варя рядом ёрзает на стуле и теребит край рукава блузки. Я замечаю тонкую красную полоску возле её запястья и беру дочь за руку.

— Это откуда?

— Мам, да там ничего.

— Варя, она тебя ударила?

Варя молчит.

Этого оказывается достаточно.

Медленно выпрямляюсь и смотрю на Соню.

Девочка встречает взгляд без страха, и теперь сходство с кем-то становится почти мучительным: этот прищур, это нахальное спокойствие, даже то, как она чуть поджимает губы, словно уже придумала ответ и ждёт подходящего момента.

Господи, кого же она мне напоминает?

— Я не специально!

— Где родители этой девочки? Я должна знать, что произошло!

Дверь кабинета распахивается так резко, что мы все одновременно оборачиваемся.

— Я приехал! Что случилось? Сонька, ты чего опять учудила?

Несколько секунд заторможенно рассматриваю мужчину, ворвавшегося в кабинет. И не могу поверить в то, что вижу.

Нет-нет-нет.

Только не это.

На пороге стоит Царенко. Без пиджака, который был на нём в офисе, с ключами от машины в руке и чуть сбившимся дыханием, словно действительно торопился. Сначала он смотрит на учительницу, потом на детей, затем замечает меня и останавливается.

— Красавина?

— Царенко?

— Ты меня преследуешь, да?

Соня переводит взгляд с него на меня и заметно оживляется.

И вот теперь всё встаёт на свои места.

Глаза, улыбка, нахальное выражение лица.

Да она же маленький Царенко! Только с хвостиком.

— Пап, — Соня поднимается со стула. — Я могу всё объяснить.

Иван закрывает глаза на секунду.

— Сонь, ты снова с кем-то подралась?

— Нет!

— То есть меня вызвали с работы, потому что ты не дралась?

— Давайте всё-таки сядем, — Наталья Сергеевна решительно берёт инициативу в свои руки. — Именно потому я и попросила обоих родителей приехать. Между Софьей и Варварой сегодня произошёл конфликт на большой перемене.

Мы садимся напротив стола. Иван оказывается рядом со мной, Соня пересаживается ближе к нему, а Варя прижимается плечом ко мне.

— Девочки поссорились возле раздевалки. По словам детей, сначала был словесный конфликт, потом Соня толкнула Варю. Варя ударилась о шкаф и поцарапала руку.

— Твоя дочь толкнула мою? — Вспыхиваю мгновенно.

— Мам, — тихо тянет Варя, но остановиться уже сложно.

— Она и так пришла в новый класс. Ей сложно, она никого не знает, а теперь выясняется, что её ещё и бьют?

Иван хмурится.

— Красавина, подожди. Не беги ты вперёд паровоза.

— Чего ждать? Пока твоя дочь снова не нападёт?

— Давай сначала разберёмся.

— Разберёмся в чём? Учитель только что сказала, что твоя дочь толкнула мою.

— Вы вообще не знаете, как всё было! — Вмешивается Соня.

— Соня, спокойно.

— Но пап!

— Я сказал, спокойно.

Соня поджимает губы, складывает руки на груди и откидывается на спинку стула. Обиженная копия отца получается настолько точной, что при других обстоятельствах я бы, наверное, рассмеялась.

Увы, сейчас не до смеха.

— Иван Андреевич, — Наталья Сергеевна поворачивается к нему, — я уже не первый раз говорю о том, что Софья решает конфликты слишком... активно.

— Я знаю.

— Знаешь? — Вздёргиваю брови. — То есть для неё это нормально?

Царенко чуть откидывается назад, сжимает челюсть и несколько секунд смотрит на меня молча.

— Марья, не надо сейчас делать выводы о том, как я воспитываю дочь.

— А мне не нужны выводы. Я вижу результат.

— Мам, пожалуйста, — Варя тянет меня за рукав.

Только теперь замечаю, насколько ей неловко. Щёки красные, глаза бегают между мной, Соней и учительницей.

Поджимаю губы.

Наталья Сергеевна пользуется паузой.

— Я именно поэтому хотела, чтобы мы поговорили спокойно. Подобных конфликтов можно избежать, если родители будут больше времени уделять воспитанию детей и разговорам с ними. Могу порекомендовать вам педагогическую литературу.

Внутри поднимается новая волна раздражения.

Прекрасно.

Я сорвалась с работы, примчалась через полгорода, а мне предлагают почитать книжку о воспитании. Хотя это вовсе не моя дочь затеяла драку.

— Наталья Сергеевна, при всём уважении, но я привожу ребёнка в школу и хочу хотя бы надеяться, что здесь она будет в безопасности. Варя учится у вас совсем недавно, ей и без того непросто влиться в новый коллектив. Я не думаю, что педагогическая литература поможет, если её на переменах толкают другие дети.

— Мам, там не так всё было, — Варя снова дёргает меня за рукав и наконец решается поднять глаза. — Я сначала с Катей и Лерой поругалась.

— Из-за чего?

Дочь мнётся, пальцами комкает край юбки и явно не хочет отвечать. Соня открывает рот, но Иван кладёт ладонь ей на плечо, не позволяя вмешаться.

— Пусть Варя сама расскажет.

Варя тяжело вздыхает.

— Они просто начали говорить всякое.

— Какое всякое?

— Ну... про меня. Что я новенькая, что всё равно тут долго не проучусь. Катя ещё сказала, что я выпендриваюсь.

— Почему?

— Не знаю.

Знает. Вижу по тому, как сразу отводит глаза, но вытаскивать из неё подробности при всех не собираюсь.

— И дальше что произошло?

— Мы поругались. Потом Соня подошла, все толкались, и я ударилась.

Очень информативно.

Перевожу взгляд на Соню. Та сидит, насупившись, но виноватой не выглядит ни капли. Скорее смертельно оскорблённой тем, что ей до сих пор не дали высказаться.

— Сонь, ты Варю толкнула? — Иван пригвождает дочь к месту взглядом.

— Я же сказала, случайно!

— Случайно тоже считается.

— Пап!

— Что пап? Ты руками махала?

— Ну махала.

Иван с чувством закатывается глаза. Проводит рукой по затылку, взъерошивая волосы.

— Дома поговорим. Ты меня очень разочаровала, юная леди.

Девочка смотрит на него с таким возмущением, что на секунду мне даже становится её жаль. Но тут Варя снова касается поцарапанного запястья, и сочувствие быстро испаряется.

— Если инцидент исчерпан, мы поедem, — Иван поднимается. Подхватывает с задней парты куртку дочери.

— Исчерпан? Царенко, ты думаешь, я это так оставляю?

— Марья, я сказал, что разберусь. Значит, разберусь.

Сжав от злости и негодования зубы, сдержанно киваю.

— Уж надеюсь. Идём, Варя. Наталья Сергеевна, до свидания.

Наталья Сергеевна кивает, хотя по лицу вижу: ей бы гораздо больше понравилось, если бы я сейчас села обратно, достала блокнот и записала название рекомендованной педагогической литературы.

Варя быстро собирает вещи. Помогаю ей надеть куртку, поправляю воротник и стараюсь не смотреть на Ивана, но уже у двери он всё-таки окликает меня.

— Марья.

Оборачиваюсь.

— Не надо делать из Соньки монстра. Она сложная, но не злая.

От этой попытки защитить дочь внутри опять вспыхивает.

— А я и не делаю из неё монстра. Просто не хочу, чтобы особенности её характера проверялись на моей дочери.

До машины доходим молча. Варя забирается на заднее сиденье, я устраиваюсь за рулём. Завожу двигатель.

— Мам, там не так всё было, — тихо начинает Варя.

— Так или не так, но ты пострадала. И кто знает, чем может обернуться вторая такая стычка с этой Соней.

— Но Соня не хотела меня обижать. Она заступилась.

Бросаю на дочь быстрый взгляд в зеркало заднего вида. Выезжаю со школьной территории.

— Что значит заступилась?

— Катя с Лерой начали надо мной смеяться. Они сказали, что меня из прошлой школы выгнали, потому что я глупая. Я сказала, что меня никто не выгонял. А они не поверили. Катя ещё сказала, что я здесь всё равно ни с кем не подружусь, потому что таких, как я, никто не любит.

— Почему ты мне не рассказала?

Она пожимает плечами.

В упор смотрю через лобовое стекло, пытаюсь проглотить неприятный комок в горле.

— А Соня?

— Соня слышала, что мы ругаемся. Подошла и сказала Кате, чтобы она от меня отстала, но Катя... не отстала. Тогда Соня сказала, что если Катя ещё раз откроет рот, то пожалеет.

Маленький Царенко.

Даже методы ведения переговоров у них одни на двоих.

— Потом Катя толкнула Соню. А Соня её толкнула обратно. Они начали ругаться, я хотела Соню оттащить, а она развернулась и нечаянно меня задела. Я рукой об шкаф ударилась. Молчу.

Просто молчу, потому что несколько минут назад сидела напротив Ивана и практически рассказывала ему, какого маленького агрессора он вырастил.

Хотя маленький агрессор, оказывается, полез в драку за моего ребёнка.

— Мам?

— Что, котёнок?

— Ты на Соню больше не сердишься?

Делаю пару глубоких вдохов и выдохов.

Я, конечно, знала, что у детей тоже бывают проблемы со сверстниками, но никогда не предполагала, что это случится уже в первом классе.

Современные дети ужасно злые...

— Не сержусь. Но решать конфликты лучше не кулаками. Обещаешь, что расскажешь мне в следующий раз, если у тебя будут проблемы?

— Угу... Ты только больше с папой Сони не ругайся. Она сказала, он тогда опять её на карате не пустит.

— Боюсь, Варюш, её папе я сегодня уже наговорила достаточно.

Причём половину своих слов теперь очень хочется взять обратно.

Дорогие мои, если вам нравятся такие герои как Иван, хочу порекомендовать вам другую свою историю с похожим по характеру героем) сегодня на неё действует скидка 40%, успевайте))

Бывшие одноклассники. Училка для миллиардера

— Репетиторство?

— У меня французские партнёры. Мне нужно знать язык.

— Ты издеваешься? После всего, что было? После всех тех унижений ты...

— Хватит драматизировать, — с металлом в голосе. — Оставим детские обиды в прошлом. Так что, берёшься?

— Никогда!

Он медленно встаёт, возвышаясь теперь надо мной.

— Так не получится, Юля. Отказов я не принимаю.

Я должна сказать «нет». Должна развернуться и уйти. Но в его взгляде читается вызов. Он уверен, что я снова сломаюсь, что проглочу всё, как в школьные годы, когда он издевался надо мной совершенно безнаказанно, а моё влюбленное сердечко исходило кровью.

Но теперь всё иначе. Ведь моя раненая гордость требует реванша!

Глава 10

Марья.

На следующий день ровно в семь утра набираю номер Царенко.

Уже почти без уговоров и душевных терзаний.

Если судьба решила, что теперь каждое моё утро должно начинаться с пробуждения взрослого состоявшегося мужика, спорить с ней поздно.

Остаётся только надеяться, что когда-нибудь Иван научится вставать самостоятельно или я научусь делать это, не чувствуя себя сотрудницей элитного детского сада.

Он отвечает на третьем гудке, но вместо приветствия в трубке раздаётся тяжёлое сонное дыхание.

— Алло? Иван?

— Девушка, вы ошиблись номером.

Морщу лоб.

Естественно, это не могло быть просто.

— Царенко, вставай.

— Я же говорю, вы ошиблись. Иван Царенко красивый, богатый, успешный и безумно сексуальный. И в семь утра уже занимается спортом.

— Какая досада. Тогда передайте этому красивому и успешному, что если через пять минут он не встанет, его новая помощница объявит забастовку.

Иван тяжело вздыхает.

— А помощница симпатичная?

— Ужасная.

— Тогда точно моя. Доброе утро, Красавина.

— Вставай.

Слышу, как он переворачивается, устраиваясь, судя по звукам, ещё удобнее. Вот же паразит.

— Готово.

— Ты даже не сел.

— Откуда такая уверенность?

— Не слышу движения.

— Я бесшумный. В юности мечтал стать ниндзя. И, заметь, добился куда больших успехов, чем ты со своим красным дипломом.

— Царенко, я с тобой шутки шутить не собираюсь. Подъём.

— А скажи: «Ванечка, вставай». Один раз. Тихонько. Я могу даже сделать вид, что никому не расскажу.

— Иван!

Он смеётся, окончательно выдавая, что проснулся давным-давно и просто развлекается за мой счёт.

— Ладно, ладно. Что ты нервная такая? Встаю.

Наконец слышу шорох, потом шаги и звук открывающихся штор. Через несколько секунд включается кофемашина, и я с удовлетворением делаю глоток собственного кофе.

— Вот теперь молодец.

— Марья Павловна, если продолжишь меня так хвалить, я начну стараться. Кстати, сегодня в офис не приезжай.

Едва не давлюсь кофе.

— Почему?

— У нас выездная работа.

— Это как?

— Будем работать на пленэре.

— Вань, ты строитель, а не художник.

— Я многогранная личность.

— Ладно, и... и что мы будем там делать?

— Созидать. Творить. Может даже вытворять. Адрес скину. В девять будь на набережной, Красавина. Удобная одежда, никаких каблучков и желательно хорошее настроение.

— Последнее ты уже сломал.

— Починим. До встречи.

Сбрасывает звонок.

Несколько секунд смотрю на телефон, пытаюсь понять, что вообще подразумевается под «пленэром» у владельца строительной компании.

Зная Царенко, это может оказаться чем угодно, от осмотра объекта до принудительных работ с лопатой.

Закидываю Варю в школу и к девяти подъезжаю к набережной. Минут десять ищу Царенко среди утренних бегунов, велосипедистов и людей с кофе.

Майское солнце уже поднялось достаточно высоко, вода блестит за ограждением, по широкому тротуару гуляют мамы с колясками.

Нахожу Ивана возле причала. Он стоит у самого спуска к воде, в светлых брюках и белой футболке, разговаривает с каким-то мужчиной. За его спиной покачивается небольшая бело-снежная яхта. Прямо как та, что когда-то была у папы.

Я каталась на ней лишь однажды, и с тех пор к воде вообще предпочитаю не подходить.

Медленно перевожу взгляд на воду.

Нет...

Я туда не пойду. Ни за что! Лучше переехать в яму со змеями, чем оказаться так близко к воде.

Иван замечает меня и машет рукой.

— Красавина! Сюда!

Не двигаюсь.

Он что-то говорит мужчине, оставляет его и сам поднимается ко мне.

— Ты что, корни там пустила?

— Что это?

Царенко оборачивается на яхту.

— Наш транспорт на сегодня. Поплаваем вдоль берега.

Искренне надеюсь, что сейчас он рассмеётся и скажет, что опять издевается.

Но увы, Царенко остаётся серьёзным вопреки всем моим ожиданиям.

— Нет, Вань, я туда не пойду.

— Почему?

— Потому что я боюсь воды.

По-птичьи склонив голову к плечу, Царенко позволяет себе долгий, изучающий взгляд.

— Насколько сильно боишься?

— Достаточно, чтобы не хотеть добровольно залезать на вот это.

— Нам выдадут жилеты.

— Иван, я сказала нет.

Он вздыхает и засовывает руки в карманы.

— Красавина, мне, конечно, безумно интересно наблюдать за твоим бунтом, но сегодня ты мне реально нужна. Мы идём вдоль берега смотреть площадки, мне нужен человек рядом, который будет записывать, фотографировать и задавать неприятные вопросы.

— Возьми Оленьку.

— Оленька на восьмом месяце. Я боюсь, если она ступит на борт, эта малышка тут же пойдёт ко дну.

Невольню фыркаю.

— Всё равно нет.

— А мне начхать. Будешь бояться рядом со мной. Ты моя личная помощница, а сегодня моё рабочее место вот там.

— По договору в мои обязанности не входит плавать на яхтах.

— Это не проблема, сегодня же исправим договор. А теперь давай, — он делает шаг ко мне, протягивает руку.

Успеваю увернуться.

— Только через мой труп!

— Твой труп вряд ли будет для меня так же полезен. Но если ты настаиваешь...

Ещё один шаг.

— Даже не думай, Царенко! Я отказываюсь!

Отступаю.

Но Иван делает резкий выпад в мою сторону и подхватывает меня под колени так быстро, что я успеваю только взвизгнуть и вцепиться ему в плечи. Мир моментально теряет устойчивость, а этот идиот спокойно идёт к причалу со мной на руках.

— Поставь меня!

— Не могу. Ты отказалась сотрудничать добровольно.

— Иван, я тебя убью!

— Главное, не сейчас. Я возле воды, это небезопасно.

— Царенко!

— Какая ты громкая с утра.

Дёргаюсь словно гусеница на его плече, но Иван лишь перехватывает меня крепче.

— Красавина, прекрати. Сейчас действительно уроню.

— Ненавижу тебя.

Мужчина на яхте наблюдает наше приближение с откровенным удовольствием.

— Иван Андреевич, проблемы с посадкой пассажиров?

— О, это особо ценный груз. Эту женщину нужно только на руках носить.

Царенко ступает на борт. И только оказавшись на устойчивой палубе, ставит меня на ноги.

Мгновенно хватаюсь за ближайший поручень. Иван молча достаёт из-под сиденья спасательный жилет и натягивает его на меня через голову. Помогает застегнуть ремень, проверяет крепление, после чего откручивает крышку большого термоса и наливает кофе в металлическую кружку.

— Держи.

— Это взятка?

— Угу.

— Не поможет.

— Тогда отдай.

Ревностно прижимаю кружку к себе.

— Даже не мечтай.

— Вот и договорились.

Через несколько минут мы отходим от причала.

Глава 11

Марья.

Первое время я сижу, вцепившись одной рукой в поручень, второй в кофе, и смотрю исключительно на противоположный берег. Вниз, на воду, не смотрю принципиально.

Меня мутит от одной лишь мысли, что под нами нет твёрдой земли. Всё тело покрывается колючими мурашками.

Иван устраивается рядом и раскладывает на небольшом столике какие-то планы.

— Объясняй, зачем мы здесь, пока я не потребовала высадить меня обратно.

— Будем строить декорации.

— Какие декорации? Зачем?

— Для фильма.

— Мы будем снимать кино?

— На счастье зрителей нет, кино будут снимать те, кто умеет это делать. Мы просто построим то, что в кино потом эпично разбомбят, сожгут и сравняют с землёй. — Он открывает на планшете несколько изображений. — Продюсерская компания заходит с большим историческим проектом. Им нужна береговая локация под декорации старого посёлка. Мы берём проектирование и строительство на себя, но площадку пока не выбрали.

Листаю фотографии. Деревянная пристань, старые дома, какие-то склады, берег с высокой травой.

— А почему нельзя просто приехать на машине?

— Потому что с воды видно то, чего не видно с дороги. Рельеф, береговую линию, фон. Камера будет снимать и отсюда тоже.

— А я тебе зачем?

— Ты умеешь считать. Мне нужен человек, который будет смотреть на мои прекрасные идеи и сразу спрашивать, во сколько они нам обойдутся.

— То есть разрушать мечты?

— Именно. В этом у тебя неоспоримый талант.

Яхта медленно идёт почти вдоль самого берега.

Рассекая низкие волны острым носом, она уносит нас всё дальше. Мёртвая хватка, которой я держусь за поручень, постепенно ослабевает.

Мы с Иваном спорим о подъезде строительной техники. О том, где разместить временные конструкции и какой участок затопит первым после сильного дождя. Иван неожиданно внимательно слушает мои вопросы, делает пометки, пару раз звонит кому-то.

— Пойду принесу нам бутерброды, — поднимается Иван и уходит, оставляя меня одну.

И как только он уходит, я тут же вспоминаю про воду. Становится неудобно, челюсти сами сжимаются.

— Вы быстро освоитесь, — раздаётся голос капитана. — Когда поймёте, что на воде чаще безопасней, чем на суше. Я, кстати, Артур.

Оборачиваюсь. Приложив ладонь ко лбу, щурясь от яркого солнца, разглядываю этого мужчину.

Приятная внешность. Ему лет сорок, загорелый, высокий и подтянутый. И он прекрасно знает, что ему идёт форма.

— Кстати, Марья.

— Вы первый раз?

— Нет, я... уже была на воде. Однажды.

— Надо будет как-нибудь прокатить вас. Нормально.

— Что значит нормально?

— Без начальства и рабочих разговоров. Вот увидите, вас потом за уши от воды не оттащишь.

И пока я подыскиваю слова для вежливого отказа, в наш диалог врывается третья сторона.

— Не надо, — лениво говорит Иван.

— Что не надо? — Оборачивается на голос капитан.

— Катать. Девушку. Не надо.

— А я вроде спрашивал у девушки. Вас я не приглашал, Иван Андреевич.

— Вот поэтому и не надо. Артур, у тебя, вроде, была жена.

— Была, да уплыла. Теперь она бывшая жена.

— Поздравляю. Марья всё равно занята, — цедит с нажимом, однако на лице его цветёт ангельская улыбка.

Мужчины сталкиваются тяжёлыми взглядами, словно рапирами. Ещё немного, и я услышу металлический лязг и искры.

Капитан примирительно смеётся и отступает на шаг.

— Понял, Иван Андреевич. Территория охраняется.

Ретируется.

Иван поворачивается ко мне. Улыбка слетает с его лица.

— Понравился?

— Кто?

— Капитан.

Расправляю воинственно плечи и с готовностью встречаю пытливый взгляд.

— Допустим.

— Не понравился, — кривится.

— Тебе-то откуда знать?

— Если бы понравился, ты бы поправила волосы минимум три раза и не разговаривала бы с ним тоном банковского оператора.

Невольно касаюсь волос и тут же отдёргиваю руку.

Царенко довольно ухмыляется.

— Вот видишь? А со мной ты ведёшь себя иначе.

— Господи, какой же ты самоуверенный.

— Наблюдательный.

— И всё равно это не даёт тебе права решать, с кем мне можно знакомиться.

— Я и не решаю.

— Но отгоняешь.

— Только неподходящих.

Прищуриваюсь.

— И кто же, по-твоему, мне подходит?

Сама не понимаю, зачем спросила.

Наверное, потому что жду очередной глупости. Чего-нибудь про восьмидесятилетнего миллиардера с плохим зрением и виллой на Мальдивах.

Но Иван молчит.

Несколько секунд смотрит прямо на меня, и от этого взгляда в животе вдруг становится непривычно тесно, словно там распрямляется тугая пружина.

— Разберёмся, — говорит наконец и протягивает мне завернутый в фольгу бутерброд.

Садится рядом, снова открывая рабочий планшет.

Закатываю глаза и тоже открываю свою часть документов. Спорить бесполезно, особенно когда Иван отчаянно делает вид, что полностью поглощён работой.

Только минут через десять Артур снова спускается к нам, чтобы уточнить маршрут, и Царенко совершенно машинально кладёт руку на спинку моего сиденья.

Территория охраняется, это уж точно...

На берег возвращаемся ближе к обеду.

По набережной идём медленно. Я всё ещё наслаждаюсь самим фактом наличия под ногами твёрдого, тёплого асфальта, а Иван несёт мою сумочку и лениво крутит за лямку.

— Красавина, а ты почему так воды боишься?

— Просто с детства её не люблю. Не сложилось у нас.

— Тонула?

— Почти. У папы была яхта, и однажды он решил взять меня с собой. Я до этого вообще ни разу не выходила на воду и плавать не умела.

— Воодушевляющее начало.

— Дальше ещё лучше. Папа решил, что пора меня научить.

Иван хмурится.

— Прямо там?

— Ага. Он вообще всегда считал, что единственный способ чему-то научиться — просто взять и сделать. Боишься выступать? Иди на сцену. Не умеешь кататься на лыжах? Вставай и езжай. Не умеешь плавать...

— Только не говори, что он...

— Столкнул меня за борт? Именно так.

Иван останавливается.

Я по инерции прохожу ещё пару шагов, прежде чем замечаю это, и тоже останавливаюсь.

— В смысле столкнул?

— В прямом. Сказал, что инстинкты сами сработают. И толкнул.

— Сколько тебе было?

— Достаточно мало, чтобы поверить взрослым, когда они уверяют, что ты обязательно поплывёшь.

Снова иду, и Иван догоняет. Теперь уже не торопится, держится рядом, но почему-то смещается чуть левее, оказываясь между мной и ограждением набережной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.